

МИХАИЛ БУБЛЕЕВ

Испытание властью

Вместо предисловия

Я заинтересовался историей жизни Михаила Васильевича Зимянина, когда в белорусской газете «Звезда» прочитал о том, что вдова бывшего Первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии П. М. Машерова, погибшего в автокатастрофе, выражала недоумение в связи с приездом на похороны в Минск секретаря ЦК КПСС М. В. Зимянина. «Как будто в Москве, — возмущалась она, — не знали, что у покойного были с ним весьма сложные отношения».

С годами я все больше укреплялся в намерении разобраться в сложных хитросплетениях судеб белорусских руководителей послевоенной поры. Каждый из них — Пономаренко, Патоличев, Козлов, Притыцкий, Сурганов, Мазуров, Машеров — были по-своему яркими личностями.

Во время приездов в Москву в середине 1990-х годов мне удалось ознакомиться с редкими материалами. Вместе с мемуарной литературой и опубликованными историческими исследованиями эти документы открыли мне противоречивую картину жизни людей, принадлежавших к высшим эшелонам власти в Советском Союзе.

* * *

Он ушел из жизни 1 мая, в день, который в СССР и странах социализма отмечался как международный праздник солидарности трудящихся. Прощались с ним 5 мая, в День печати. Поминальный девятый пришелся на празднование Великой Победы — 9 мая 1995 года. Даже даты, связанные с его кончиной, символичны, словно отражают его жизненный путь — труженика, журналиста, воина.

Да и родился он 21 ноября (8 ноября по старому стилю) 1914 года, в день, когда православный русский народ празднует честь и память Архистратига Михаила, вождя воинства Господня, защитника веры и хранителя людей, главного борца против сатаны. По святцам был наречен Михаилом сыном Василия по фамилии Зимянин, созвучной названию его родной белорусской деревушки Земцы, что неподалеку от Витебска.

По прошествии более 90 лет со дня рождения Михаила Васильевича Зимянина, советского партийного и государственного деятеля, попытаюсь рассказать, каким он был.

Не обойтись без цитат, зачастую довольно пространных, из мемуарной литературы, исторических трудов, документов. Наибольший интерес представляют свидетельства тех людей, которые встречались, сотрудничали с Зимяниным.

Отзывы разные: одни пишут о нем уважительно, воздавая должное его заслугам, иные сдержанны в оценках, а кому-то он просто не по душе.

Так, историк и публицист Сергей Семанов, долгие годы собиравший материалы о советских руководителях, опубликовал две книги — жизнеописания Брежнева и Андропова. От последнего Семанов немало натерпелся, фактически угодив в начале 1980-х годов под домашний арест. В те времена член КПСС,

главный редактор журнала «Человек и закон», Семанов распространял в писательских и журналистских кругах, как это следует из секретной докладной КГБ, «клеветнические измышления о проводимой КПСС и Советским правительством внутренней и внешней политике», допуская «злобные оскорбительные выпады в адрес руководителей государства». Очевидно и то, что для КГБ не было секретом тайное сотрудничество Семанова с эмигрантскими изданиями. «Рабочий, так сказать, секретарь ЦК по идеологии М. Зимянин, одногодок Андропова, так и не был введен в Политбюро; здоровый и подвижный, он отличался нерешительностью и слабохарактерностью, боялся сам принимать мало-мальски важные решения (о происхождении его супруги говорили разное...)», — пишет Семанов. Следующее упоминание о Зимяние уже из книги о Брежневле. «Тогдашний секретарь ЦК по идеологии Петр Нилович Демичев был ничтожеством из ничтожеств». Новым секретарем, его сменившим, «стал бывший редактор “Правды” М. В. Зимянин. Был он таких же дарований, как и его предшественник, но человек Суслова, он явно был сторонником его “интернациональной линии”».

В воспоминаниях «архитектора перестройки» А. Н. Яковлева, носящих примечательное название «Омут памяти», можно прочитать следующее: «Любопытный человек Михаил Зимянин. Партизан. Комсомольский, а затем партийный секретарь в Белоруссии, посол во Вьетнаме, заместитель министра иностранных дел, главный редактор “Правды”. Как раз в это время (1973 год. — М. Б.) у меня сложились с ним добрые отношения, достаточно открытые. Мы доверяли друг другу. На Секретариате ЦК он выступал довольно самостоятельно, не раз защищал печать и иногда спорил даже с Сусловым. Поддержал мою статью в “Литературке”, позвонил мне и сказал добрые слова. (Речь идет о яковлевской статье «Против антиисторизма», опубликованной в «Литературной газете» в 1972 году. В этой статье Яковлев в худших традициях вульгарно-социологической литературной критики подверг нападкам творчество выдающихся советских русских писателей и поэтов патриотического направления. Откровенная русофобия новоявленного «литературоведа» вызвала раздражение у Брежневле. «Этот мудака хочет поссорить нас с русской интеллигенцией», — буркнул он в сердцах и распорядился убрать Яковлева из аппарата ЦК КПСС. Яковлева отправили послом в Канаду, откуда он был возвращен при Андропове спустя десять лет. — М. Б.).

Я отправился в Канаду с этим образом Михаила Васильевича. В один из отпусков решил зайти к нему. В первые же минуты он соорудил изгородь. Я попытался что-то сказать, о чем-то спросить — стена из междометий. Я встал, попрощался, но тут он пошел провожать меня, дошел даже до коридора, глядя на меня растерянными глазами, буркнул: «Ты извини, стены тоже имеют уши». Собеседник мой боялся, что я начну обсуждать что-нибудь сакраментальное, как бывало прежде. Больше я к нему не заходил.

Когда я вернулся в Москву, он уже был секретарем ЦК. Однажды он пригласил меня по делам института... (По возвращении из Канады Яковлев был назначен директором Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. — М. Б.) Во время разговора раздался звонок Андропова. Зимянин сделал мне знак молчать. Все его ответы Андропову сводились к одному слову: «Есть». Я видел его перепуганное лицо. После разговора он облегченно вздохнул и сказал мне: «Ты не говори, что присутствовал при разговоре».

Академик-американист Георгий Арбатов в своей книге «Человек системы» пишет о том, что «все были рады», когда Зимянин сменил Демичева на посту секретаря ЦК по идеологии. «Репутация у него была неплохая, но на посту секретаря ЦК с ним что-то произошло. Может быть, он не выдержал испытания властью. А может быть, это было возрастное. Но во всяком случае Зимянин стал совсем другим, превратился в покровителя реакционеров, а в некоторых неблагоприятных делах (в частности, в попытке разгромить в 1982 году ИМЭМО АН СССР) активно участвовал сам».

В главе, посвященной Андропову, утверждается, что тот придерживался нелестного мнения о Зимяnine и не раз Арбатову об этом говорил.

Бывший редактор «Комсомольской правды», бывший руководитель Всесоюзного агентства по авторским правам, бывший министр иностранных дел СССР, бывший посол в Великобритании и Швеции, ныне проживающий в Стокгольме Борис Панкин в своих воспоминаниях «Пресловутая эпоха» приводит следующий рассказ известной советской писательницы Мариэтты Шагинян о встрече с Зимянинным.

«Когда-то давно, она не помнила, то ли в 48-м, то ли в 56-м, она пришла в Праге в советское посольство. Хотела раздеться.

— Вдруг какой-то маленький человечек бросился взять у меня пальто. По старой буржуазной привычке я протянула ему крону, и он взял эту крону. Я спросила, как пройти к послу, он рассмеялся и сказал, что он и есть посол. Вот такой он тогда был. Кстати, крону мне так и не вернул, по-моему. Может быть, взял ее на память».

Точности ради отметим, что Зимянин возглавлял Посольство СССР в Чехословакии в 1960—1965 годах, а приведенный Панкиным забавный эпизод относится к лету 1963 года, когда Шагинян провела несколько недель в Праге, собирая материалы для книги о чешском композиторе Йозефе Мылшивеке.

Вторая встреча, о которой Мариэтта Сергеевна поведала Панкину, состоялась уже в ЦК КПСС. Писательница пришла к секретарю ЦК по идеологическим вопросам Зимянину с просьбой помочь приобрести дачу в Переделкино, а тот отказал, да еще и выговорил ей: «Как это можно? Коммунист не должен иметь никакой собственности. Вот посмотрите на меня. (А он, между прочим, блестяще одет, — отмечает Шагинян.) У меня нет ничего. У моих детей нет ничего. Они не пользуются никаким благом».

Шагинян в гневе покинула секретарский кабинет, а Зимянин, по ее словам, бросился за ней, «просил не сердиться, задержаться». Но негодующая писательница ушла. «Он вообще изменился, боже, как он изменился, — восклицала Шагинян. — Он ведь был сталинист, ярый сталинист, когда началось все это. А теперь совсем другое. Как сумел он попасть в масть?»

По прочтении этого отрывка поневоле возникает вопрос: для чего профессиональный журналист Панкин, небезразличный к литературной форме, столь тщательно воспроизводит косноязычие 90-летней литераторши, не утруждая себя ни редакторской правкой, ни, казалось бы, полезными комментариями? Попробуйте с ходу определить, что фраза «когда началось все это» означает период хрущевской «оттепели», а «теперь совсем другое» — брежневский «застой». С другой стороны, нужны ли эти объяснения? Вот как ухитрился «попадать в масть ярый сталинист» Зимянин? Думается, устами старушки Шагинян этот вопрос задает сам Панкин.

«Отличался объективностью и здравомыслием, — характеризует Зимянина представитель так называемой «литературы факта» Николай Зенькович, автор 30 популярных книг по советской и новейшей российской истории. — Чаще всего любая серьезная коллизия заканчивалась у него в кабинете и не имела продолжения. Деликатный по характеру, вместе с тем был прямолинейным в суждениях, честным и правдивым в оценках, недостаточно податливым к зигзагам в идейных вопросах. Лично скромный, открытый, контактный, несколько эмоциональный. Говорил очень быстро».

И одновременно мастер «литературы факта» повторяет байку сына Хрущева о том, как Посол СССР в Чехословакии Зимянин в октябре 1964 года позвонил из Москвы, куда он был вызван на Пленум ЦК КПСС, отдохавшей в Карловых Варах Нине Петровне Хрущевой и поздравил ее с назначением на пост Первого секретаря ЦК КПСС Брежнева. Заодно шустрый посол сообщил ни о чем до той поры не подозревавшей женщине, что «врезал как следует» по методам хрущевского руководства. По недоуменным вопросам Нины Петровны понял, к

ужасу своему, что по привычке попросил соединить его с женой Хрущева вместо Виктории Петровны Брежневой. Обе вместе отдыхали на карловарских водах. Пробормотал в расстройстве что-то невнятное и повесил трубку...

Ну что тут скажешь? Если бы Михаил Васильевич при жизни прочитал эти анекдотические истории о себе, он бы от души посмеялся. Чувство юмора у него было отменное.

Мемуарная зарисовка Станислава Куняева, поэта, публициста, главного редактора журнала писателей России «Наш современник». «Маленький Зимянин» с «глубоко запавшими глазками» разговаривает с Куняевым на банкете по случаю очередного съезда Союза писателей: «А — это опять вы! И когда научитесь отличать евреев от сионистов?» — «Я только этим и занимаюсь в последние годы», — печально отшутился Куняев.

А вот портрет Зимянина, вышедший из-под пера Сергея Викулова, предшественника Куняева на посту главного редактора «Нашего современника»: «В нем не было ничего, что говорило бы о человеке гордом, волевом, самолюбивом: ниже среднего роста, круглое бабье лицо, курносый нос, тонкие губы, негромкий, без басовой струны голос, тараторный, лишенный ораторских интонаций говор». По описаниям Викулова, «шупленький, невысокий» Зимянин постоянно «нервничает», «весь в движении», «подергивается на стуле», «суетливо жестикулирует», говорит «зло и резко», часто прерывает собеседника. Когда же он выступал с трибуны, то «не было в его говорении ни душевного волнения, ни боли, ни тревоги. Этакая ровная, скучная, прошу простить за сравнение, церковная монотонность. Слушаю, хочу записать, а записывать нечего...»

С легкой руки Викулова, а потом и сменившего его Куняева пошла гулять по страницам «Нашего современника» и других изданий патриотического направления формулировка, характеризующая руководство культурой и идеологией советского периода, — «Сусловы, зимянины, шауры» (В. Ф. Шауро — заведующий отделом культуры ЦК КПСС в 1965—1986 гг. — М. Б.). Сформулировано в полном соответствии с известными образцами советской публицистики. Поневолье вспоминается классическое: «...гитлеры приходят и уходят...». Пренебрежение, презрение, если не ненависть к определенным личностям сквозит в написанных с маленьких, строчных, букв фамилиях, да еще упомянутых во множественном числе. Имена собственные становятся нарицательными...

«Маленьким», в «мышинного цвета костюмчике», «постоянно шмыгающим носом» — таким запомнился Зимянин поэту, секретарю Правления Союза писателей России В. Сорокину.

У идейного антипода трех последних авторов Евгения Евтушенко свое видение образа Зимянина, который лично к нему относился «весьма неплохо, тем не менее часто и весьма легко впадал в ярость по поводу всего того», что поэт писал и делал.

В книге «Волчий паспорт» Евтушенко живописует, как при объяснениях с ним Зимянина «трясло», как он от возмущения по поводу каких-то стихотворений поэта вскакивал со стула, крича: «Это издевательство над всей советской жизнью, над нашим строем!» «При начале перестройки Зимянин несколько раз впадал в истерики — так, он буквально бесновался перед Съездом писателей СССР, перед пленумом СП РСФСР, полутребуя, полуупрашивая писателей не упоминать еще не напечатанный тогда роман «Дети Арбата» Рыбакова, который он сам называл антисоветским».

Забавно, но в своем «Романе-воспоминании» Анатолий Рыбаков пишет следующее: «Итак, роман запрещено даже упоминать. Евтушенко выбросил его из своего выступления. Потом разыскал меня, передал свой разговор с Зимяниным.

— Не думайте, я не испугался, но «скалькулировал», что мое умолчание будет выгодно для романа.

Я улыбнулся, представляя, как маленький, тщедушный Зимянин наскакивает на долговязого Евтушенко.

— Чего вы улыбаетесь? — насторожился Евтушенко. — Повторяю, я не испугался.

— Знаю. У меня нет к тебе претензий. Я никогда не сомневался, что ты мне хочешь помочь».

И снова цитата из книги Евтушенко. Читаем: «Зимянин не замечал, что с каждым днем он все больше и больше становился анахронизмом. Его трагедия была в том, что, будучи субъективно честным человеком, в силу своей запрограммированности на так называемую идеологическую борьбу он превратился в верного Руслана — лагерную овчарку из повести Вадимова, которую учили брать мертвой хваткой всех, кто посмеет выйти из колонны заключенных. Зимянин, как и другие идеологи, был настолько занят надзирательством, что почти не бывал в театрах, и если что-нибудь читал, то только по служебной необходимости.

Однажды он меня неожиданно спросил в редакции «Правды»: «Тут так срабатываешься, что я уже не помню — когда в последний раз стоящую книжку читал. Не посоветуете ли мне что-нибудь почитать?» Я посоветовал ему «Сто лет одиночества». Такие люди, руководя культурой, сами в ней ориентировались еле-еле. Но все-таки была у них культура чтения, правда, особого склада. Они понимали силу слова, понимали, как самый вроде бы мягкий подтекст может становиться рычагом исторических перемен».

В том же «Волчьем паспорте» не названный по фамилии секретарь ЦК по идеологии, но понятно, что речь идет о Зимянине, распекая поэта за репортаж о Монголии в американском журнале «Лайф», вызвавший возмущение монгольского руководства, «вдруг сварливо добавил:

— И с вашей женитьбой на англичанке вы тоже учудили. Надо же было до такого додуматься! Почему вы все время противопоставляете себя обществу, гусей дразните?!

Я встал и сказал:

— Это мать моих двух детей. Если вы немедленно не извинитесь, я сейчас же уйду.

Он с торопливой гибкостью обнял меня за плечи, усадил:

— Ну, хорошо... Снимаю личный вопрос... Но гусей-то дразнить все-таки не надо... Ни монгольских, ни своих...»

В 1964 году познакомился с Зимяниным известный дипломат и журналист, руководивший в 1988—1991 годах Международным отделом ЦК КПСС Валентин Фалин: «Небольшого роста, шуплый, подвижный как ртуть. Большую часть войны партизанил в Белоруссии. С партийной работы попал в дипломаты. Будучи послом во Вьетнаме, Зимянин энергично противодействовал тому, чтобы эту страну постигла полпотовская драма».

В конце лета 1979 года Фалин, тогда первый заместитель заведующего отделом международной информации ЦК КПСС, с секретарем ЦК Зимяниным с глазу на глаз обсуждали ситуацию в Афганистане. Страна охвачена гражданской войной, и соотношение сил явно не в пользу правящего режима. Президент Тарак и премьер Амин молят Москву о военной помощи, не только оружием, но и войсками. До осени 1979 года позиция советского руководства сводилась к тому, чтобы оказывать Афганистану политическое и экономическое содействие, в том числе оружием и военной техникой, но не более того.

В этой новой ситуации Фалин задавал вопрос: от кого и с кем теперь защищать афганскую революцию? И он, и Зимянин замечали возросшую активность советского Генштаба и тех отделов ЦК, которым положено заниматься афганской проблематикой. Друг другу они доверяли, поэтому поделились общим печальным выводом: страну втягивают в «авантюру с сомнительным финалом».

Упомянул Зимянина в своих размышлениях на тему «“Русский орден” в ЦК партии: мифы и реальность», опубликованных в газете «Завтра» в июне 2002 года, руководитель Союза писателей России, в прошлом крупный комсомольский деятель, В. Н. Ганичев.

Зимянин на Всероссийском совещании журналистов устроил Ганичеву, тогда главному редактору «Комсомольской правды», разнос за серию статей о взяточничестве среди высокопоставленных руководителей в Ставрополе, Краснодаре, Сочи. Мол, «Комсомолка» тшится доказать, что в СССР есть коррупция. Позднее, уже на писательском съезде, Зимянин подошел к Ганичеву и жестко сказал: «Вы должны уйти из “Комсомольской правды”. Только не жалуйтесь... (Ганичев полагал, что принимавшие по его кандидатуре решение партийные аппаратчики опасались заступничества М. А. Шолохова, который с большой симпатией относился к “Комсомолке” и ее главному редактору. — М. Б.) Мы вас убираем по возрасту. (Хотя сам Ганичев, по его убеждению, был значительно моложе первого секретаря ЦК ВЛКСМ и многих других именитых комсомольцев. — М. Б.) Вот, пожалуйста, “Роман-газета”, вы с писателями дружите, сами пишете, вам и карты в руки...» Я уже был членом Союза писателей и понял, что надо уходить в литературную нишу, скрываться от преследований товарищей по партии, да и духовно мне там было бы интереснее. Я дал добро. Так и поговорили с Зимяниным... Так что попытка сделать из “Комсомольской правды” оплот патриотизма, подобный “Молодой гвардии”, у меня не вышла».

На одной из встреч с журналистами Зимянин уже в качестве секретаря ЦК КПСС обрушился, по воспоминаниям Ганичева, на публикацию Владимира Солоухина, посвященную проблеме сохранения русских памятников старины. «“Пишут черт его знает что! Вот опять об этой Оптиной пустыне (делая то ли специально неправильное ударение, то ли по безграмотности). Что, у нас нет настоящих памятников революционерам, героям? Пишите себе!” Да, может быть, не самый атеистически мракобесный человек был Михаил Васильевич, но невежда безусловный», — заключает Ганичев.

Еще одно любопытное высказывание о Зимянине, принадлежащее Ричарду Косолапову, бывшему главному редактору журнала «Коммунист». Зимянин ценил его как философа-теоретика и относил, как и В. Г. Афанасьева, о котором речь пойдет далее, к числу своих друзей. «В конце семидесятых годов в связи с приближением 100-летия со дня рождения Сталина, — вспоминает Косолапов, — я внес предложение переопубликовать в журнале “Коммунист” его статью “Октябрьская революция и тактика русских коммунистов”.

— Ты что, хочешь показать, какой Сталин умный? — парировал это предложение секретарь ЦК КПСС по идеологии Зимянин.

Вопрос был закрыт. Между тем Зимянин (умерший в мае 1995 года) полностью пересмотрел в конце жизни (якобы под влиянием чтения Гегеля) свое отношение к марксизму и доказал лишь то, что он, как и многие в “застойном” партийном руководстве, занимался не своим делом».

* * *

Уже по приведенным цитатам становится понятно, что писать о Зимянине непросто. Судьба его сложилась так, что довелось ему быть не только свидетелем, но и участником важных событий отечественной истории, которые до сих пор тревожат умы. Он прожил трудную, полную драматических эпизодов, до предела насыщенную событиями жизнь. Да, случалось, он ошибался, иногда терпел поражения, и довольно тяжелые, но все же чаще достойно преодолевал выпадавшие на его долю испытания.

Выйдя на пенсию, Михаил Васильевич начал работать над воспоминаниями. В то же время ему, в полной мере познавшему искус оперативной журналистской работы, хотелось делиться своими впечатлениями и размышлениями о повседневной политической жизни страны. Время от времени его статьи и заметки появлялись в любимой им «Правде».

Его публицистическое дарование, помноженное на огромный опыт профессионального политика, способного предугадывать развитие событий, пожалуй, наиболее ярко проявилось в статье «Маневры закончились — начался штурм

Советов», опубликованной в «Правде» 19 марта 1993 года. Статья, к несчастью, оказалась пророческой. Через полгода по ельцинскому приказу среди бела дня в центре Москвы танки расстреляли здание, в котором укрывались опальные депутаты Верховного Совета России.

Тяжелая болезнь помешала Михаилу Васильевичу завершить работу над воспоминаниями. Некоторые отрывки из незаконченной рукописи удалось опубликовать в форме интервью в белорусской газете «Звезда» в июле—августе 1992 года и в московском еженедельнике «Политика» в 1992—1993 годах.

Он был счастлив, когда его пригласили участвовать в подготовке сборника «Живая память», посвященного пятидесятилетию Великой Победы. Статья Зимянина как одного из организаторов партизанского движения открывала раздел документальных свидетельств о всенародной борьбе против немецко-фашистских захватчиков. Он успел увидеть свою работу напечатанной.

Как уже говорилось, Михаилу Васильевичу довелось участвовать во многих событиях, которые можно назвать поворотными в судьбе Советского государства. Но не было, пожалуй, в жизни Зимянина времен более сложных и драматичных, чем те, что наступили для него после смерти Сталина 5 марта 1953 года.

Он избегал говорить об этом периоде. Напоминания причиняли ему боль. Даже когда во времена горбачевской гласности стали появляться публикации, в которых искажались события в Белоруссии в марте—июне пятьдесят третьего года и роль Зимянина в этих событиях, он предпочитал отмалчиваться. Только на исходе дней нашел в себе силы рассказать близким о том, что долгие годы таил в памяти. Мог ли он предвидеть, что определенные политические силы в постсоветской Белоруссии будут использовать имя, выхватив из драматических событий лета пятьдесят третьего года идею «белорусизации», и вновь попытаются развесть русских и белорусов.

* * *

Вечером 8 июня 1953 года в кабинете заведующего Четвертым Европейским отделом МИД СССР Зимянина раздался звонок. Звонили по городскому телефону. «Михаил Васильевич? Добрый вечер. Вас беспокоят из секретариата товарища Берия. Лаврентий Павлович просил Вас перезвонить ему по кремлевской связи».

Через минуту Зимянин разговаривал с Берия. На вопрос, как он попал в МИД, Зимянин ответил, что в апреле после встречи с В. М. Молотовым состоялось соответствующее решение Президиума ЦК КПСС, и он перешел на работу в центральный аппарат МИДа. «Знаете ли Вы белорусский язык?» — неожиданно спросил Берия. «Знаю», — последовал ответ. «Вызову Вас на беседу», — буркнул Берия и повесил трубку.

Зимянин сразу же перезвонил Молотову и доложил ему о разговоре с Берия. Но вопреки ожиданиям Молотов принял его только утром следующего дня. Поздоровавшись, министр вопросительно посмотрел на Зимянина.

— Мне думается, Вячеслав Михайлович, речь может пойти о моем переводе на работу в систему Министерства внутренних дел. — Зимянин старался скрыть волнение. — Очень бы просил Вас принять во внимание мое желание продолжать службу в Вашем министерстве.

Молотов сухо ответил, что, по его мнению, предложение Лаврентия Павловича может быть иным. И ему, Молотову, будет трудно возражать против этого предложения.

Спустя несколько дней Зимянину снова позвонил помощник Берия и опять попросил воспользоваться для разговора кремлевской связью. На этот раз Берия предложил Зимянину явиться к нему в понедельник вечером 15 июня.

Поздоровавшись, Берия задал прежний вопрос: как Зимянин попал в МИД? Когда тот начал отвечать, прервал его: «Решение, принятое в отношении Вас, неправильно, более того, ошибочно!»

— Мое дело солдатское, — слегка опешив, сказал Зимянин. — Не могу рассуждать, правильно или неправильно решение ЦК партии. Я обязан выполнять его.

— Нет, — досадливо поморщился Берия, — Ваше дело не совсем солдатское. И даже вовсе не солдатское. Что, все белорусы такие на удивление спокойные? На руководящую работу их не выдвигают — они молчат, хлеба дают мало — они молчат. Да узбеки или казахи на их месте заорали бы на весь мир. Что же за народ белорусы?

— Белорусы народ хороший, товарищ Берия, — ответил Зимянин, озадаченный таким ходом беседы.

— Ладно. А как Вы оцениваете товарища Патоличева?

— Мне недолго довелось с ним работать, — осторожно начал Зимянин, — как известно, он крепкий хозяйственник...

Берия резко взмахнул рукой, прервав собеседника.

— Напрасно разводите «объективщину», товарищ Зимянин! Патоличев никуда не годный руководитель, да и человек пустой!

Грузно поднялся из-за стола, прошелся по кабинету и остановился за спиной Зимянина.

— Я подготовил докладную записку в ЦК, — с подчеркнутой значимостью произнес Берия, — в которой оцениваю положение дел в Белоруссии с проведением национальной политики и с колхозным строительством как крайне неудовлетворительное. Такое положение надо срочно поправлять. И предстоит этим заняться Вам, товарищ Зимянин!

Берия вернулся за стол, снял пенсне, подышал на стекла, медленно их протер фланелевой салфеткой. Прищурившись, посмотрел на Зимянина.

— Я бы посоветовал Вам не искать себе «шефов», чем грешили Ваши предшественники.

— «Шеф» в партии один — Центральный Комитет, товарищ Берия, — скорее отрапортовал, чем ответил Зимянин.

— И правительство, — жестко дополнил Берия.

— Разумеется, — подтвердил Зимянин. — И ЦК партии, и правительство неотделимы друг от друга.

— Хорошо, — удовлетворенно заключил Берия и вдруг повторил с угрозой: — Не советую искать «шефов»!

— Учту Ваш совет, товарищ Берия, — спокойно отозвался Зимянин и, думая, что беседа закончена, поднялся из-за стола.

— Не торопитесь, товарищ Зимянин, — остановил его Берия, но садиться уже не предложил. — Вы, должно быть, не в курсе того, что нами назначен новый министр внутренних дел Белоруссии? Это товарищ Дечко. Ряд белорусских товарищей займут посты начальников областных управлений республики. Вам следовало бы познакомиться с ними. Вообще надо всячески поддерживать чекистов, товарищ Зимянин.

— Чекисты не могут пожаловаться на отсутствие поддержки со стороны ЦК Компартии Белоруссии.

— Повторяю: надо поддерживать чекистов! У них работа острая. Знайте, что в свою очередь их долг поддерживать Вас!

Берия встал и, уже протягивая на прощание руку, осведомился, читал ли Зимянин его записку о Белоруссии, и тут же распорядился принести ее и на первой странице размашисто начертал: «Ознакомить т. Зимянина».

В дверях Зимянин в третий раз услышал предостережение не искать себе «шефов».

Записка Берия в Президиум ЦК КПСС, датированная 8 июня 1953 г., о неудовлетворительном использовании национальных кадров в республиканских, областных и районных партийных и советских организациях Белоруссии завершалась предложением выдвинуть на пост первого секретаря ЦК республики

«т. Зимянина М. В. — белоруса по национальности, бывшего второго секретаря ЦК КП Белоруссии, недавно переведенного на работу в Министерство иностранных дел СССР в качестве начальника отдела».

Знал ли Зимянин о готовящемся постановлении Президиума ЦК КПСС по Белоруссии, в основу которого легла записка Берия? Мог ли он, 38-летний провинциал, не слишком искушенный в аппаратных играх высшего руководства, предвидеть приближающуюся развязку борьбы за власть внутри правящей после смерти Сталина четверки — Маленков, Молотов, Хрущев и Берия?

Беседа с секретарем ЦК Маленковым, который, как и в сталинские времена, занимался подбором и расстановкой кадров, была предельно краткой. Смысл ее сводился к традиционному партийному «Надо!»: «Белорус? Язык знаете? Вот и хорошо. Мы вам доверяем. Собирайтесь. Поедете на родину».

Вернувшись далеко за полночь в 627-й номер гостиницы «Москва», где он провел после приезда из Минска несколько тягостных своей неопределенностью недель, Зимянин долго не мог заснуть. Вспомнилась первая встреча с Маленковым в апреле 1947 года в Москве перед назначением на пост секретаря ЦК Компартии Белоруссии.

Тогда, увидев Зимянина, Маленков широко улыбнулся и воскликнул:

— Какой же Вы маленький!

К удивлению всесильного сталинского кадровика, Зимянин шутки не принял:

— Вы ошиблись адресом. Поищите кого-нибудь ростом повыше! — Круто повернулся и направился к двери.

— Пойдите, не горячитесь. Мы же оба понимаем, что не это главное, — миролюбиво сказал Маленков. Зимянин ему явно понравился.

Остался доволен Георгий Максимилианович и результатами собеседования. Ответы Зимянина были по-военному краткими и точными. По достоинству оценив его искренность и прямоту, Маленков в то же время отметил присущие Зимянину горячность и резкость, о чем и доложил И. В. Сталину.

Тогда, в апреле 1947 года, решением Политбюро ЦК ВКП(б) М. В. Зимянин был утвержден секретарем ЦК Компартии Белоруссии. Порадовался высокому назначению Зимянина его старший товарищ Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко, секретарь ЦК ВКП(б), по праву считавший Михася, как называли Зимянина с партизанских времен белорусы, своим воспитанником.

В 1938 году Пономаренко возглавил партийную организацию Белоруссии, пережившую полосу жестких массовых чисток. На одном из совещаний в Могилеве его внимание привлек бойкий черноволосый паренек, оказавшийся вожаком могилевских комсомольцев. Они разговорились, и Пономаренко удивила начитанность комсомольского секретаря, к тому же еще и студента исторического факультета Могилевского педагогического института. В 1940 году Пономаренко выдвинул Михаила Зимянина на пост первого секретаря республиканского комсомола.

Начало войны застало Зимянина в Белостоке. С частями 3-й, 4-й и 10-й армий Западного и Центрального фронтов, прикрывавших Белоруссию, прошел тяжкий путь, с боями отступая к Барановичам и Минску. Уже в конце июня 1941 года он в числе других белорусских руководителей приступил к созданию в тылу немцев подполья, формированию из местного населения партизанских отрядов, которые усиливались выходящими из окружения солдатами и командирами.

* * *

Обратимся к воспоминаниям Мазурова, видного государственного и партийного деятеля, на протяжении 13 лет входившего в состав руководящего органа КПСС — Политбюро. Зимянин считал его одним из самых близких друзей. На большинстве фотографий партизанской поры они рядом.

«Осенью 1936 года после двухлетней отсрочки меня призвали в Красную Армию, — вспоминал Мазуров. — В первые же дни пребывания в полку я познакомился с Михаилом Зимяниным. Живой и компанейский, добрый и ровный в общении с товарищами, хотя и острый на язык, он выделялся своей эрудицией — учился в педагогическом институте — и быстро завоевал авторитет у курсантов и командования... После окончания полковой школы Михаила Зимянина назначили редактором газеты нашей части. Выпуском ее он и занимался до конца службы».

Мазуров завершил свои мемуары описанием событий лета 1944 года, когда освобождением Минска от немецких оккупантов фактически завершилась партизанская война в Белоруссии. На страницах его книги часто встречается имя Зимянина. Вспоминает Кирилл Трофимович и о том, как в 1942 году друг его Михаил помог ему разыскать мать, брата и сестру, эвакуированных в Барнаул.

И еще об одном эпизоде военной поры, который упоминается уже в дневниковых записях Зимянина. В июле 1941 года, когда Михаил Васильевич пробыл из Витебска в Гомель, он вспомнил, что в районе городка Кричева проживала семья его друга — белорусского поэта Аркадия Кулешова. Зимянин разыскал Кулешовых — жену, старика-отца, помог им за полчаса собраться и вывез их в Брянск, откуда они были переправлены за Волгу.

В августе сорок первого на окраине Гомеля Михаил Васильевич в последний раз увидел с родным братом Володей. Брат чудом вырвался из окружения после боев в Западной Белоруссии, где он в составе электротехнической роты возводил укрепления на новой границе. Крепко обнялись Зимянины на прощанье. Владимира Зимянина, рядового пулеметчика, направили под Киев, где он в кровопролитных боях сложил голову и был похоронен в безымянной солдатской могиле.

Известный литературовед Вадим Кожинов, увлекавшийся историей, беседовал как-то с обозревателем радиостанции «Голос России». Назвав отечественную партизанскую войну «грандиозной», Кожинов заметил, что иногда эту войну не совсем правильно представляют. «В ней видят такую, знаете, войну, которая возникла как бы сама собой. Но так не бывает, это трудно. Конечно, она управлялась из Москвы». В подтверждение сказанного Кожинов сослался на одного из руководителей «тогдашнего партизанского движения, известного человека по фамилии Зимянин», который ему, Кожинову, «очень много рассказывал».

«Михаил Васильевич (кажется, так его звали?), скажите, сколько раз вы были за линией фронта?» Зимянин отвечал: «В 1941 году — один раз, в 1942 году — два, а вот в 1943 году — уже восемь, наверное». Кожинов поверил Зимянину, поскольку тот мог заявить, что «вообще не вылезал из немецкого тыла», и проверить это было бы невозможно. А Зимянин честно сказал и скромно: «Не так много».

В начале октября 1941 года Пономаренко с Зимяниным были направлены на Брянский фронт, где в течение двух недель они пытались обеспечить организованный отход наших войск, едва не истребленных танками Гудериана.

После Брянского фронта член Военного совета 3-й Ударной армии Пономаренко командировал старшего батальонного комиссара Михаила Зимянина в район Ржева и Великих Лук, где шли долгие кровопролитные сражения, «для выполнения специального задания по сбору данных о противнике и по вопросам связи с партизанскими отрядами». Здесь, в болотах и лесах, создавались так называемые окна, через которые налаживалась связь с белорусскими партизанами, доставлялись боеприпасы, другое военное снаряжение, продукты питания, медикаменты.

Рассказывая о совместной работе в Минско-Полесской партизанской зоне, Мазуров утверждал, что работа Зимянина «принесла большую пользу» не только ему, но также партийным и партизанским руководителям.

Только за пять первых месяцев 1943 года руководитель белорусских комсомольцев, ближайший сотрудник начальника Центрального штаба партизанско-

го движения Пономаренко Зимянин побывал в отрядах Минской, Полесской, Гомельской, Пинской областей.

«Человек подвижный, необычайно энергичный, целеустремленный, он всех заражал своим энтузиазмом, — рассказывал генерал КГБ СССР, а в годы Великой Отечественной войны герой-партизан, Эдуард Нордман. — Его обаяние, широкий политический кругозор, талант организатора, смелость и выдержка в сложной обстановке снискали ему уважение среди партизан».

Как известно, Центральный штаб партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования был создан только 30 мая 1942 года. По решению И. В. Сталина штаб возглавил Пономаренко. Известно также, что первый секретарь ЦК коммунистов Украины Хрущев предлагал на этот пост своего ставленника — руководителя украинского НКВД некоего Сергиенко.

Годом позже Сталин намеревался переместить Пономаренко на Украину вместо Хрущева, которому удалось сохранить свой пост только благодаря энергичному заступничеству Берия, Маленкова и Булганина, с мнением которых Сталин тогда считался. «Заступники» же не без оснований рассматривали Пономаренко как политического противника, более опасного для них, чем простоватый, как им тогда представлялось, Никита Сергеевич.

Соперничество между Пономаренко и Хрущевым началось в 1939 году, когда после завершения военной кампании в Польше белорусский руководитель сумел отстоять перед Сталиным свой вариант западной части белорусско-украинской границы. Хрущева же вождь высмеял за представленную в качестве довода, по выражению Сталина, «петлюровскую карту», согласно которой ряд районов Белоруссии, в том числе города Брест, Пружаны, Пинск, Лунинец, большая часть Беловежской пуши отходили к Украине. Вместе с тем белорусы, понимая желание соседей получить лесные территории, которых так недоставало Украине, поделились с украинцами Камень-Каширский районом.

Жесткие споры Хрущева с Пономаренко не затихали и в военные годы. Как правило, Сталин принимал сторону Пономаренко. Так, на одном из совещаний в Кремле Хрущев выступил с инициативой создания крупных семитысячных партизанских бригад. Пономаренко же утверждал, что отряды должны быть небольшими по численности и поэтому более мобильными и маневренными. Многотысячные, базирующиеся во вражеском тылу соединения должны были снабжаться за счет и без того разоренного оккупантами населения. Рано или поздно ситуация, когда обирали бы и «свои» — партизаны, и «чужие» — оккупанты, вызвала бы взрыв людского негодования, направленного не только против немцев, но и против партизан. Понимая это, Сталин предложение Хрущева отверг.

Однажды, выслушав доводы разгоряченных очередным спором Никиты Сергеевича и Пантелеймона Кондратьевича, вождь с усмешкой заключил: «Вот если бы к энергии Хрущева да голову Пономаренко!» Легко представить, какие чувства при этом испытывал болезненно самолюбивый Хрущев...

Конечно, сюжеты взаимоотношений высокопоставленных деятелей принадлежали к особо хранимым тайнам «кремлевского двора». Сталин жестко пресекал любые обсуждения высшей кадровой политики за стенами своего кабинета. Видимо, поэтому у многих партийных чиновников, работавших в сталинские годы, на всю жизнь осталась маниакальная боязнь оказаться услышанными, а точнее, подслушанными в самое неподходящее время.

По каким-то одному ему ведомым причинам Сталин потворствовал усилению неприязни Хрущева к Пономаренко. Иначе чем объяснить, к примеру, вызов Пономаренко в сталинский кабинет в тот момент, когда перед вождем на коленях стоял Никита Сергеевич. Об этом эпизоде, относящемся к 1943 году, Пантелеймон Кондратьевич поведал спустя много лет своему помощнику В. М. Николаеву. По версии Пономаренко, Хрущев умолял Сталина сохранить жизнь сыну Леониду, военному летчику, перешедшему на сторону врага, а затем захваченному партизанами, но получил отказ. Вспомним, что вождь не пощадил и собственного сына

С согласия Генсека Горбачев изложил Черненко свои соображения по проекту доклада:

«В нем, безусловно, собран богатый материал. Но при чтении возникает такое чувство, что нет внутренней логики, связывающей текст с тем, что мы делаем в последние месяцы. Главное — пропадает глубокая и острая постановка вопросов. Мне думается, если сделать доклад на треть короче, сконцентрировать мысли на принципиальных положениях, он от этого только выиграет».

«Уф! Тактичнее сказать было просто невозможно, — поясняет Горбачев, — и я надеялся, что Черненко предложит мне, как минимум, принять участие в окончательной доработке его выступления. Не тут-то было». Черненко обещал подумать над горбачевскими замечаниями, но в конечном итоге в докладе ничего не поменял. Визит же к нему Горбачева воспринял как проявление нескромности, стремление всех поучать.

По наблюдению Горбачева, на пленуме Черненко, читая доклад, «с большим трудом продирался сквозь зимянинскую схоластику».

В 1984 году было решено провести Всесоюзную научно-практическую конференцию по идеологическим проблемам, на которой предполагалось обсудить выполнение решений прошлогоднего пленума. Теперь уже Горбачеву, как второму лицу в партии, готовят основное выступление. «Материалы к докладу... полностью меня разочаровали: «зимянинская жвачка», идеологическая рутинка, набор прописных истин, пустословие. Такое впечатление, что меня просто хотели скомпрометировать». Выручили Горбачева Яковлев, Медведев, Болдин, которые подготовили «содержательный и серьезный» материал. Зимянин же «был недоволен, капризничал». «Я дал ему подготовленный доклад. Мне он особых замечаний не сделал, лишь попросил дать более выпукло тезис о руководящей роли партии на нынешнем этапе, а вот в беседе с Медведевым прямо сказал, что доклад не получился».

Виталий Воротников, бывший Председатель Совета Министров РСФСР и Председатель Президиума Верховного Совета республики, с 1983 по 1990 гг. — член Политбюро ЦК КПСС, так характеризует Зимянина: «Опытный газетчик, поработавший и на дипломатическом поприще. Человек эрудированный, открытый, скромный, контактный, несколько эмоциональный. К нему относились с уважением».

Врублевский, помощник руководителя коммунистов Украины, члена Политбюро ЦК КПСС Щербицкого, написал после поездки в Болгарию: «В состав делегации входил Зимянин, секретарь ЦК КПСС по идеологии. Человек холерического темперамента, бывший партизан и ужасный матерщинник, он вообще-то был незлобивым человеком, открытым и простым. Но сама мысль о том, что он представляет руководство Советского Союза, великой сверхдержавы, превращала его в сноба и шовиниста».